

Кастерширская осада

Александр Шатилов

Александр Шатилов

Кастерширская осада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70454893

SelfPub; 2024

Аннотация

Этот рассказ – история, которая родилась в 2010 году в результате игры в солдатики, поэтому смешались здесь английские, польские, русские и немецкие названия и имена. Мир условного средневековья, в котором герой спасает возлюбленную из рук тщеславного барона-мятежника. Ему помогают верные друзья, и даже целое коронное войско начинает осаду замка, где укрылся злодей. Среди этого войска был даже автор собственной персоной, не стыдясь и не скрывая своего имени. И всё-таки история не обо мне, а дружбе, любви и ратных подвигах. Автор подчёркивает, что хотя некоторые персонажи говорят на украинском языке или его подобии, к реальности всё описанное в рассказе ни малейшего отношения не имеет, так как является плодом фантазии почти что пятнадцатилетней давности. Автор фото на обложке – Александр Шатилов.

Александр Шатилов

Кастерширская осада

Туманным утром долину Кастершира наполнили прерывистые густые звуки боевого рога. С Глочерских болот поднималась белая и плотная стена вязкой дымки, вбиравшая в себя и деревья, и луга, и холмы с тем, чтобы, как казалось, не отдать никогда. На утёсе между берегом извилистой спокойной реки и краем непроходимой трясины расположилась небольшая каменная крепость. Прежде мощный форпост, приводивший врага в замешательство, теперь обветшал, став похожим на живописные развалины. Стены, хотя и были достаточно толстыми, кое-где пошли широкими трещинами. Камни обвили буйно разросшиеся травы и кустарники, ушедшие корнями глубоко в кладку. Однако неприступность и внушительный вид по-прежнему отличали это сооружение.

С востока крепость защищала трясина, в которой легко было сгнать неопытному путнику. Местные крестьяне боялись, что видели там привидений, моливших о помощи. С юга текла река, разливавшаяся до сотни футов в ширину при половодье. Но и даже в самую засушливую пору на реке встречались омуты неизмеримой глубины. С прочих же сторон штурм был весьма труден, так как более ста лет здешние коменданты постоянно укрепляли холм, делая его всё более

крутым. Подъём был возможен лишь по узкой каменной дорожке, специально выстроенной до самых ворот крепости из известняка и крупного речного камня. На эту дорожку попадали лишь те, кто миновал сторожевую башню с подъёмным мостом через ров. Увы, теперь он был сухим, и лишь изредка на его дне поблескивала мутная грязная вода.

В конце зимы замок занял богатый рыцарь со своей свитой, пришедший в эти края с запада после Счетновской битвы, где, по слухам, сражался за войска Великого Совета, но не снискал особой славы. Так же с этим рыцарем было много других воинов, большинство из которых носили чёрно-красные одеяния рядовой пехоты Ордена Чёрного Креста, выступившего против объединённых войск Совета. Ещё поговаривали, что этот рыцарь убил местного лорда, разграбив и спалив дотла его имение, после чего со своими людьми занял крепость, снова превратив груды камня в цитадель.

Однако мир и спокойствие не пришли на Кастерширские земли, зажатые рукой сильного и грозного феодала, каким явил себя крестьянам сей зловеший рыцарь. Его люди обратили местных жителей до нитки. На дорогах стало неспокойно. Любой путник, куда бы ни направлялся через эти земли, всюду рисковал быть ограбленным и даже убитым. Дорога, связывавшая Щитовец и Гродно, находилась во власти свирепых разбойников. Деньги похищали целыми сундуками, безжалостно расправляясь с охраной. Лишь люди нового владельца крепости ездили совершенно спокойно, невре-

димыми пересекая проклятую долину. Порой на расспросы, отчего грабители не трогают их, люди рыцаря отвечали, что достаточно хорошо владеют мечом и не боятся нападения. А разъезжали эти люди часто и в разные концы королевства. Ходили слухи, будто бы рыцарь закупает оружие и ищет наёмных солдат, чтобы силой расширять свой удел. Но людей, способных быть хоть какой-то военной силой в здешних краях, да и вообще в стране осталось мало. Особенно много полегло дворян, понимавших толк в военном деле.

Грабежи не прекращались ни на один день. Таинственную банду неоднократно пытались ловить, но тщетно. Отряды солдат прочёсывали ближайшие леса, но разбойничьего логова, или хотя бы уютной лачуги, где могли бы собраться бандиты, не было найдено. Если бы не случай, никто бы так и не узнал, что творилось в Кастершире.

В конце августа в Гродно ехал возвращавшийся домой молодой шляхтич Ян Стихорецкий. При себе у него не было ни денег, ни богатых одежд, ни даже сабли, так как всё своё имущество оставил он в Щитовце на попечение своего старого знакомого казацкого десятника Рубенко Василя. Этот Рубенко вместе с братом своим Димитрием обосновался в городе и занялся вместе с другими казаками строительством новых домов, так как рабочих рук было мало, а платили солидно. И вот, расставшись с добрым товарищем по Счетновскому делу, Ян вздумал явиться на родной хутор таким же

как и уезжал, то есть без всего. Ежели родня примет радушно живого, но голого парня, то он перевезёт и всё своё добро. Ну а если в укор поставят то, что он, третий сын, прибыл позже всех, никакого добра не привёз, славы не добился, да ещё и живой вернулся на плечи старших братьев да отчима, то уж тут Ян совсем уйдёт. Уйдёт и купит себе деревеньку, женится на гуцулке и будет растить детишек под сенью вишнёвого сада, рассказывая озорным пострелятам о былых подвигах. «А может и ну эту гуцулку, – думал про себя Ян, – сабля остра, ноги ходят, глаза глядят, кровь горяча, вот и поеду по свету славной себе потехи искать. Али я не вольный рыцарь? Раз сам себе пан, то и найдутся ведь кое-какие приключения на долю холостого шляхтича с досугом и деньгами?»

Но по пути Ян занемог. Из-за жара и небывалого упадка сил он не мог идти далее сам. В придорожной харчевне, до которой Ян с трудом добрался, какой-то обрюзгший купчишка с лысой головой на толстой шее вызвался довезти его до Гродно, с расчётом на то, что богоугодный поступок поможет избежать беды. Приняв Яна за крестьянина, купец не был очень уж любезен, хотя и месту на телеге среди ящиков тот был рад. Правда, молодой человек очень скоро пожалел о том, что не остался в харчевне, так как купец оказался не в меру разговорчивым человеком. Он долго ехал рядом с телегой на тощей кобылке и читал нравоучения, наставляя шляхтича на праведную жизнь, которая, по словам купца, заключалась в помощи всем нуждающимся, бедным и больным.

Хуже этой монотонной проповеди ничего не могло быть на свете для Яна, ведь приходилось терпеть обращение с собой как с самым последним холопом.

От всего этого горячка Стихорецкого усилилась. Все его члены ныли и болели так, что он даже не мог пошевелиться. Лишь на короткое время Ян забылся сном. Когда он очнулся, то уже не увидел слева от себя лысую голову на заплывшей жиром шее. Справа на одном из ящиков у края телеги спиной к нему сидела девушка. Она украдкой, точно невзначай повернула личико к Яну, но тут же вновь обратила свой взор на густой лес, тянувшийся вдоль дороги.

– Кто вы? – спросил Ян, чувствуя, как слабеет его голос.

– Молчите, вам нельзя утомляться, – произнесла девушка чистым и нежным голосом. – Я Ольга, племянница господина Иоганна Люгерта, который сейчас везёт вас в Гродно.

– Неужели, госпожа, вы со всеми крестьянами так учтивы, и говорите «вы»? – слегка улыбнувшись, произнёс Ян.

– Какой же вы, сударь, крестьянин! – улыбнулась Ольга. – Вы, скорее, воин, чем землепашец, уж я могу отличить. Но прошу вас, ни слова более, не надо расспросов. Если вы слушаетесь меня, то мне придётся выдать вашу тайну дядюшке Иоганну, а уж поверьте, в гневе он страшен.

И она снова повернула своё личико прочь от Стихорецкого. Ян, хотя и хотел о многом расспросить красавицу Ольгу, но даже перестал думать об этом, так худо ему было. Перед глазами плыли тёмные круги, череда макушек пушистых

елей и синее небо в кудрявых облаках сливались в одну мутную массу. Солома под головой колыхалась как мягкая перина, мягко убаюкивая шляхтича под мерный стук колёс и копыт. И проснулся Ян только, когда что-то стукнулось о доски ящика рядом с его головой. Всё его тело ныло, а сердце бешено колотилось в предчувствии чего-то страшного. Только несколько позже Ян узнал что произошло.

Навстречу повозкам господина Люгерта из-за поворота выехали пятеро всадников в чёрно-красной одежде. Они перегородили дорогу каравану, встав полукругом у передней повозки. Один из всадников подъехал прямо к возмущённому купцу и заговорил с ним твёрдым и злым голосом.

– Синьор, – сказал всадник, – вы едите по владениям моего господина и обязаны уплатить налог в пятьдесят фунтов золотом!

– Что? По какому праву вы требуете у меня оплаты налога? – воскликнул побагровевший от негодования купец, кладя руку на кинжал, висевший у пояса. – Все дороги принадлежат королю, а раз его нет, то Великому Совету! Прочь хамы!

– Заплати, толстяк! Золотом заплати! – нагло выкрикнул кто-то из остальных всадников.

– И не подумаю! Наместник ещё узнает о том, что здесь происходит! Каждый вознаграждается по заслугам! – разгорячившись, выкрикнул Иоганн Люгерт.

– Да этот бурдюк, кажется, набит золотом и спесью! – вы-

крикнул наглый всадник с тонким шрамом на лице. – Посмотрим, что он везёт!

С этими словами он тут же оказался у крытой повозки, выхватил палицу и с размаху ударил по ней, разворотив дверцу и часть стенки. Ещё один «сборщик податей» спешился, подошёл к разбитой повозке, ловко вытащил наружу небольшой сундук и, порывшись в нём, достал пару перстней.

– Не тронь, грабитель! – прохрипел купец, но тут же что-то тяжёлое опустилось со свистом на его затылок, и он, пошатнувшись в седле, упал мёртвым на сочную траву.

Помощники купца попытались скрыться в лесу, но сразу нескольких из них настигла смерть от ударов тяжёлых палиц, иных же убили стрелы, пущенные из арбалетов. Одна из них тяжело ранила возницу, окоченевшего от страха на козлах телеги, на которой лежал Ян. Он хотел подняться, но силы покинули тело. Однако шляхтич почувствовал, что рядом с ним кто-то лежал, притаившись среди ящиков. Это была Ольга. Но что с ней? Она была ранена?

«Не шевелись», – кто-то шепнул ему в ухо. Конечно, пока свирепые убийцы ловили и лишали жизни купеческих слуг, и думать о побеге было бессмысленно, ведь любой мог их заметить. Но вот все пятеро подошли к разбитой повозке с поклажей и стали рыться в ларцах и сундуках, которыми она была наполнена. Далее медлить было нельзя. «Сейчас!» – шепнула Ольга Яну и рванулась вниз с телеги, увлекая его за собой. «Скорее, скорее!» – торопила она его, но одереже-

невшие ноги и руки плохо слушались замутнённого сознания Яна. Чудом только они ускользнули от взгляда алчных разбойников, потрошивших содержимое повозки. Но, тем не менее, один из них заметил краем глаза движение в кустах справа от себя. Сразу же все пятеро бросились к пустой телеге. Возница ещё дышал.

– Кого ты вёз? – грозно спросил разбойник со шрамом у истекавшего кровью мужичка.

– Крестьянин, больной крестьянин, – произнёс тот одними губами, и тут же глаза его помутились, смерть забрала его душу.

Несколько минут все пятеро обшаривали близлежащий лес, не догадываясь, что в кустах, буквально у их ног, спрятались Ян и Ольга. Проведение спасло их от острых глаз безжалостных убийц. Прямо над ушами несчастных один из разбойников сказал другому:

– Довольно поисков, крестьянин болен, а значит, скоро сам умрёт в этих лесах. Свидетелей больше нет. Даже если где-то и объявится, то мы его тотчас повесим как вора.

– Если что, барон Лихтенштейн с нас шкуры спустит, – ответил другой.

– Ничего никто не узнает. Крестьянину не поверят, особенно если он больной.

С этими словами они ушли. В отдаленье раздался стук копыт, который вскоре стих, и из живых людей в том месте остались только Ольга и Ян. Как ни тяжело было идти пе-

репуганной насмерть девушке и сломленному горячкой молодому человеку, они всё же отправились в путь. Шли через глухой дремучий лес, утопая покалено в болотной жиже, пробираясь через бурелом, годами слёживавшийся в дикой чащобе. Уже настала ночь, осветившаяся звёздами и луной. Хищные птицы с интересом смотрели на незваных гостей, щуря жёлтые светящиеся глаза. Травы, деревья, кустарник, ветки, липкая паутина, грязь, пот, всё это смешалось в сознании Яна и Ольги. И хотя они толком не были даже знакомы, но поддерживали и опирались друг на друга, точно всегда жили вместе, точно были одним целым. Они шли неизвестно куда, как во сне, не разбирая дороги. Шли, только что чудом избежав смерти, чтобы найти новую смерть в чаще леса среди тысяч ночных монстров. Но и на этот раз судьба сжалилась над ними.

Потеряв последнюю надежду, они вдруг увидели вдалеке слабый огонёк, похожий на мираж. Из последних сил Ольга повела уже почти бесчувственного Яна к этому крохотному призраку надежды, мерцавшему в гуще колючих ветвей. Вместе они вошли во двор, на котором копнами лежало сено и по углам торчали жутковатые чёрные шесты. У самого порога маленькой хижины они оба опустились на колени без сил, прислонились к двери, и Ольга, держась за рукав изорванной рубахи Яна, тихонько постучала в дверь и лишилась чувств.

В ту ночь у колдуньи, жившей на окраине крошечной де-

ревушки бортников в лесу, было ведение, будто явится к ней рыцарь, и приведёт его к ней его судьба. Но даже соседи редко заходили к знахарке, страшась её таинственных сил. Когда Эделина услышала, точно кто-то царапнул дверь её лачуги, она тотчас поняла, что ведение исполнилось. Но на пороге лежали в полной темноте два тела в мешковатой грязной одежде. Это был молодой сильный парень и красивая хрупкая девушка. Крепкая, плотная Эделина, женщина лет тридцати пяти, подняла разом обоих молодых людей и внесла их в дом. Влив в рот девушки целебный отвар, она поставила её на ноги и приказала помогать её в уходе за молодым человеком, который был очень плох. Ольга послушно выполняла все указания, повторяла за колдуньей магические слова, растирала в ступке травы и корни, следила за огнём и только под утро забылась тревожным сном. Когда он проснулась, то увидела, что колдунья стоит у огромного очага, помешивая что-то в большом котле.

Эделина повернулась к Ольге и сказала:

– Эх, сестра, мы с тобой его вчера с того света спасли.

– С того света? – переспросила Ольга, вспоминая минувшую ночь, и тут же горько и безутешно расплакалась.

Колдунья ничего не стала говорить, и когда девушка немного успокоилась, подробно разузнала у неё всё, что с ними приключилось.

Когда очнулся Ян, первым, что он увидел, была она. Губы на бледном лице розовели двумя лепестками роз, тём-

но-карие большие глаза блестели под опухшим густых чёрных ресниц, чело украшали густые чуть сдвинутые брови, а на мягкие щёки, тронутые чуть заметным персиковым румянцем кудри густых каштановых волос, выбивавшиеся из-под вишнёвого платка. Ольга наклонилась к Яну и провела своей тонкой тёплой рукой по его щеке, и он слегка коснулся её устами.

Покуда Ян выздоравливал на окраине богом забытой деревушки, в городе Щитовце забеспокоился наместник Совета, поставленный, чтобы блюсти в округе порядок и закон. Мало того, что ходили слухи, будто злейший враг Великого Совета Норманн Сайкс, пленённый после Счетновской битвы и, как главарь заговора, приговорённый к казни, скрывался в здешних землях, собирая новые силы для возобновления восстания, так ещё и налоги перестали поступать в нужном количестве. Великий Совет мог жёстко отреагировать на недостаток налогов и на мятежный дух, воцарившийся в округе. Кроме того, говорили, что какой-то феодал не желает подчиняться законам Совета и собирает собственную армию. И наместник Ла Фунтьен, будучи человеком хоть и скаредным, но отнюдь не глупым, срочно написал в столицу королевства Сварду письмо к Совету с требованием срочно прислать в вверенные ему земли армию для наведения порядка. Гонца Ла Фунтьен отправил тайно, за свои деньги, да и не одного, а целую дюжину с одинаковыми посланиями,

точно чувствовал, что вокруг не безопасно. Вообще наместник ощущал себя сидящим на бочке с порохом, ибо весь северо-запад Великой Олы готов был разразиться новыми мятежами сторонников Сайкса и другими охотниками за высшей властью. Успокаивал себя Ла Фунтьен тем, что Совет, к которому всё больше росло недоверие, скоро выберет короля, и тогда, наконец, наступит стабильность.

По счастью все двенадцать гонцов вовремя достигли Сварды, где Совет постановил отправить в Щитовец опытного генерала дона Алехандро Альвареса, предоставив ему в распоряжение полторы тысячи пехотинцев и две сотни конных за неимением большего. Обещали, правда, прислать позднее отряд в пять тысяч, но со сроками ничего не было ясно. Была, конечно, у дона Альвареса привилегия набирать самостоятельно людей в свои отряды, но денежное содержание было выделено крайне скудное, так что рассчитывать на многое было нельзя. Таким образом, не насчитывавшая и двух тысяч человек армия Алехандро Альвареса тронулась в путь к мятежным землям, растянувшись на несколько миль вдоль разбитых дорог, везя с собой новые пушки, запасы пороха, ядер, еды и фуража.

По пути к Альваресу присоединились со своими людьми полковники Уэрто и Шатилов, хотя и у них было всего человек триста. Так что, само собой, наводить порядок на огромной территории такими силами было невозможно. Но для опытных воевод не было ничего невозможного. Конечно, ге-

нерал рассчитывал на помощь ветеранов Счетновского дела, но и их было в тех землях не очень много. Беглый Сайкс был опасен, и никто не знал, сколько людей примкнуло к нему. Разумеется, в его отрядах были сплошь бандиты, разбойники, пираты и всякий сброд, но среди его союзников могли быть и рыцари, ведь тогда, почти год назад, он привлёк на свою сторону целый орден.

В сорока милях от Щитовца солдаты вошли в полуразрушенное селение под названием Чавроги. Многие дома были сожжены, и чёрные остовы печных труб мрачно возвышались над обугленными скелетами срубов. Удушающий запах пепелища разносился далеко окрест, предупреждая всё живое о страшной смуте, объявшей этот край. Никого из людей не было видно, точно селение вымерло. Над всем селением стояла пугающая тишина, словно само зло притаилось среди сожжённых и разграбленных домов.

Генерал Альварес тут же приказал солдатам окружить Чавроги и никого не выпускать. Передовой отряд рассыпался по главной улице, проверяя каждый дом, каждый закоулок, при этом находя спрятавшихся насмерть перепуганных жителей. Когда стало ясно, что засады нет, генерал вместе со своими людьми проехал по улицам, чтобы осмотреть разорённое селение. Из окон и дверных проёмов на него смотрело множество глаз, полных отчаяния и страха. Люди поначалу не верили, что дон Альварес послан Великим Советом, чтобы остановить зарождавшуюся смуту. Всё же несколько

человек вышли к нему навстречу, низко кланяясь и опасливо поглядывая на разномастное войско спасителей. Ведь Совет дал в подчинение генералу остатки Счетновского ополчения, которые были оставлены на случай внезапных волнений. Поэтому русские дружинники, рыцари крестоносцы, варяги, римские легионеры, белогвардейские стрелки и многие другие воины походили более на очередную бандитскую ватагу, чем на королевское воинство. Только жёсткая дисциплина и стяг Великого Совета говорили о том, что эти люди объединены для свершения правосудия.

– Я дон Алехандро Альварес, посланник Великого Совета! – громко объявил всадник в дорогой кирасе и шлеме с яркими перьями, когда перед ним собралась группа людей, молча смотревших на вооружённых пришельцев.

Однако в ответ он услышал лишь тишину, вновь заполнившую улицу. Тогда генерал продолжил говорить так, чтобы все его слышали.

– Я и мои воины, – продолжал он, – прибыли сюда, чтобы не допустить смуты и воцарения беззакония. Я прошу оказать нам помощь в поимки зачинщиков беспорядков. Кроме того, я желаю говорить с главой поселения.

Когда дон Альварес это говорил, к нему подошёл высокий пожилой человек в грубой монашеской сутане. Смуглое лицо его было изрезано глубокими морщинами, а из-под седых бровей печально глядели блёклые глаза.

– Сеньор, – отозвался старик, – сейчас тело главы нашего

посёлка лежит сейчас на полу вон в том доме, – и он указал на двухэтажное строение, в котором чернели проёмы выбитых окон.

– Позвольте узнать тогда ваше имя, святой отец, – осведомился генерал.

– Меня зовут Жан из Йорна, сеньор, – с поклоном ответил старик и продолжал. – Мы решили, что ваши добрые воины войско грозного Сайкса. Здесь все об этом только и говорят, все напуганы, сеньор, страх вселился в наши сердца.

Неожиданно в конце улица раздался какой-то шум, к генералу и его свите приближалась толпа людей. Оказалось, что это крестоносцы схватили дюжину разбойников, засевших в местном кабаке. Бандиты были настолько пьяны, что их пришлось тащить волоком. Рядом бежали жители селения, кидая в своих обидчиков комьями грязи и обломками кирпичей, выкрикивая в их адрес страшные проклятья и поливая их отборной бранью. Увидев это, Альварес тотчас приказал оттеснить столпившихся жителей, чтобы те не вздумали учинить самостоятельную расправу над пленными. Затем генерал приказал протрезвить разбойников, чтобы потом разузнать всё о бунтовщиках.

– Сколько их было, святой отец, – обратился к старику офицер в чёрной форме с золотыми пагонами полковник Шатилов.

– Возможно около полусотни, сеньор, – отозвался отец Жан.

– Да, да, полсотни, примерно полсотни, – заговорили люди с разных сторон.

Поднялся шум. Жители сетовали на то, что бандиты, подсланные Норманном Сайксом для того, чтобы их запугать и силой привлечь на свою сторону, разорили их дома и хозяйство, забрав с собой всё ценное и убив тех, кто посмел сопротивляться. Несчастные поносили всех, кто был причастен к их горю. Оказалось, что среди жителей Чаврогов нашлись и те, кто поддержал бунтовщиков и так же принял участие в разграблении домов и амбаров. При подходе солдат Альвареса они поспешили покинуть селение и рассеяться по близлежащим деревням и сёлам. Говорили, что местная мелкопоместная знать, отказывавшаяся признать сюзереном Сайкса частично была перебита его сторонниками, а многие бежали подальше от этих мест, бросив на произвол судьбы свои земли и крестьян. Генералу рассказали, что в монастыре недалеко отсюда настоятель заперся с сотней монахов и тремя сотнями крестьян, не пожелавших присоединиться к мятежной армии, собираемой Сайксом.

– Ваше превосходительство! – услышал Альварес тучный бас своего адъютанта грузного сэра Ротенберга, спешившего к нему.

– Ваше превосходительство, поймали! Поймали! – тяжело отдуваясь, говорил рыцарь, вплотную приближаясь к нему.

– Да не пыхти ты так, – прикрикнул генерал, не терпевшей суеты. – Кого поймали?

– Шпиона, ваше превосходительство! Хотел через ограду бежать, а мы за ним! Вот он!

Двое дружинников князя Ярополка подвели к Альваресу худощавого молодого человека лет двадцати пяти, с жидкой порослью чёрных усов и нервным бегающим взглядом.

– Сеньор, отпустите меня, я ни в чём не виноват! – прокричал испуганный человек.

– Почему ты хотел бежать? – спросил полковник Шатилов.

– Я не знаю! Я испугался, – забормотал тот, пряча свои глаза от внимательного взгляда офицеров генеральской свиты.

– Господин генерал, – сказал один из дружинников, – мы нашли у него два кинжала за поясом, а под плащом у него крепкая кольчуга.

– Да это он всех на бунт подстрекал, он! – раздался возглас из толпы.

– Неправда! – крикнул худощавый человек и дёрнулся, чтобы убежать, но скоро и сам осознал бессмысленность своего поступка.

С разных концов улицы надвинулась толпа селян, желавших взглянуть на зачинщика беспорядков. Раздались зловещие угрозы. Кто-то в сердцах схватился за топор и стал им воинственно размахивать. Солдатам снова пришлось потеснить толпу.

– Куда ты собирался? – спросил полковник Шатилов,

подъезжая ближе к пленнику.

– Никуда, честно, господин, честно!

– Тогда зачем тебе оружие и кольчуга?

Воцарилось молчание. Парень только мотал головой и метался между дружинников.

– Врёт он всё! – раздался вдруг из толпы голос молоденькой девушки. – Видела я, как он к этим иродам собирался, сам же с ними и говорил!

– Раз пешком хотел бежать, то значит люди Сайкса где-то тут, так? – спросил полковник, соскочив с коня на землю и вплотную приблизившись к бунтовщику.

– Ничего не знаю, господин, клянусь! – жалобно заныл тот, опуская голову к самой земле и перегибаясь пополам.

– Ну, тогда пусть идёт к народу, раз ничего не знает, – махнул рукой Шатилов.

Тут парень изменился в лице и кинулся к ногам полковника как голодный к куску хлеба.

– Не губите, – простонал он, – пощадите, господин! Они были здесь, они знают, что вы идёте! Они собирают силы для бунта! Клянусь!

– Куда они поехали? – грозно спросил Шатилов, хватая шпиона за шиворот.

– В крепость, господин, в Кастершир! – плача отвечал он, припадая к сапогам полковника.

– Увести и запереть в каком-нибудь амбаре, да стеречь, чтоб не сбежал! – приказал полковник.

Дружинники поволокли парня вдоль улицы под крики и улюлюканье толпы. Кто-то крикнул «Да здравствует Совет!», другие кричали «Смерть предателям!», и так жители целого селения, теснимые солдатами, провожали ненавистного им сторонника Сайкса.

Тем временем, немного поразмыслив, Шатилов обратился к дону Алехандро.

– Ваше превосходительство, я считаю, что необходимо оставить здесь часть наших людей. На этих землях вот-вот начнётся гражданская война. Необходимо очистить здешние деревни от мародеров и бунтующих шаек, – сказал он, садясь на коня.

– Но так мы лишимся наших сил, господин генерал, нельзя распылять имеющиеся части, если нам предстоит крупное сражение с неприятелем, – возразил полковник Уэрто.

– Да, нельзя, – проговорил генерал, – но и нельзя оставлять в тылу осиное гнездо, которое может быстро разрастись. Не забудьте, что нам ещё предстоит возвращаться назад. Поэтому возьмите восемь сотен моих людей и пройдите рейдом по округе, но ни в коем случае не поддавайтесь порывам жестокости, нам нужны союзники среди крестьян, а врагов у нас и так хватает. Постарайтесь сдержать кровожадность, как наших сторонников, так и мятежников. Я же со всей кавалерией отправлюсь напрямиком в Кастершир, ибо сдаётся мне, местный барон и есть причина всех смут. Если всё будет хорошо, то вы скоро присоединитесь к нам.

Полковник Уэрто, хоть и был не согласен с доном Альваресом, ибо жаждал славы победителя смуты, но, в то же время, понимал, что остаться для контроля над здешними землями необходимо. И вот, подтаявшее войско Великого Совета двинулось на Кастершир. При этом генерал спешил изо всех сил, так как чувствовал, что промедление может сыграть на руку мятежникам.

В то время как генерал со своими верными соратниками держал путь к логову мятежного барона, в хижине на окраине бортницкой деревни Ян Стихорецкий совершенно поправился. Молодой пан был приветлив с бортниками, и они привязались к молодому шляхтичу, и особенно полюбили эти простые люди Ольгу, которую называли ласково «наша роза», так как от дикого мёда и даров леса молодая девушка похорошела и совсем оправилась от того, что ей довелось пережить. Многие, глядя на неё и Яна, поговаривали о скорой свадьбе. И действительно, шляхтич и купеческая дочь почти не расставались, и казались самыми счастливыми людьми на земле.

Однажды кто-то из бортников сообщил, что невдалеке заметил отряд вооружённых всадников, которые кого-то напряжённо искали. Ян тут же вызвался отправиться в разведку, чтобы разузнать, что это за люди, чьи и кого ищут. И хотя Ольга и не хотела отпускать Яна, боясь, что он не совсем окреп, но молодой человек смог её убедить, что вполне здо-

ров и вернётся к ней, как только всё разузнает. Девушка долго глядела вслед своему возлюбленному, моля господи защитить его от всякой беды.

Ян ушёл не один, а взял с собой пятнадцатилетнего юношу по имени Яромир, уж очень тот просился идти вместе, да и проводник в здешних лесах был крайне необходим. Юноша оказался весёлым разговорчивым пареньком и многое поведал молодому шляхтичу о том, как не заплутать в непролазной чащобе, кого следует остерегаться, как понять, что будет дождь или ясная погода и многое другое. Ещё Яромир рассказал, что он часто видел вдалеке от дома людей нового сеньора Кастаршира, скакавших в крепость с большими мешками, наполненными добром. От этих людей, по словам юноши, «за версту разило смертью», и больше всего он боялся, что они придут в его деревню. Так шли они под навесом дубовых крон, листья на которых тронула чуть заметная янтарная пыль ранней осени. Сквозь лёгкие облака на землю лился лучами солнечный свет, делая похожим свод крон деревьев на звёздное небо. Было необыкновенно тихо.

Эта тишина насторожила обоих. Постепенно до их слуха донеслись отдалённые голоса и бряцанье железа. Иногда раздавалось конское ржание и лихой посвист наездников. Большой отряд двигался за холмом по руслу пересохшего ручья. Сердца обоих лихорадочно забились. Бесшумно, точно рыси они прокрались на самую вершину массивного бугра, выдававшегося над оврагом, на дне которого шумел когда-то

ручей. Затаив дыхание Яромир и Ян Стихорецкий вглядывались через густую листву, стараясь рассмотреть, что происходило под ними. Но отряд шёл медленно, словно нарочно, и увидеть пока ничего было нельзя, кроме густых трав и листвы. «Только бы не заметили», – подумал Ян, но тут же сердце сжалось в его груди, так как лёгкий шорох раздался прямо у него за спиной. И вроде не было ничего необычного в этом шорохе, но Ян, видавший смерть когда-то ближе, чем сейчас видел плечо подростка проводника, знал, что это не ветер и не зверь.

Судорожно обернувшись, шляхтич тут же пополз вниз, шепнув пареньку одними губами: «Замри». Стараясь дышать как можно тише, он осторожно спустился к подножью холма, стараясь не упустить противника. Тот был совсем рядом. Ян чувствовал, как чувствует волк, биение чьего-то сердца, но где оно билось – он не знал. Он вытащил из-за пояса острый нож – единственное его оружие. Ветки, листья, кусты, травы, ягоды – всё это рябило у него перед глазами, сливаясь в мутное месиво. Сердце стучало тяжёлым боем будто прямо у него в голове, но, тем не менее, он слышал всё, слышал каждый шорох, каждый порыв ветра, на минуту даже Ян решил, что противник прямо у него за спиной и готов напасть. Вот ещё секунда, и Ян опередит роковой удар...

Неожиданно с холма раздался громкий крик Яромира, словно кто-то неожиданно схватил его. Стихорецкий, позабыв обо всём, бросился было на выручку товарищу, но тут

острый кончик сабли упёрся прямо ему в шею.

– Добегался, хлопчик, – произнёс над его ухом сиплый голос, и Ян услышал зловещий свист стали, означавший конец.

– Стий! – это крик точно разрезал воздух, подобно выстрелу огромной пушки, время, казалось, замерло, и сабля застыла у самой головы Яна.

Несколько мгновений ничто не двигалось, только бурый лист легко соскользнул вниз по воздуху с вершины стройной берёзы. Затем Ян с облегчением почувствовал, как стоявший сзади казак убрал от его головы саблю. Он был среди своих.

– Петро! – грубо крикнул всё тот же голос. – Ах, що за бис в тоби вселився! Це ж пан Стихореций, а ты его саблей!

– А що вин як злодей по лису ховайтся? – обиженно произнёс казак Петро, убирая саблю в ножны.

– Василь! Рубенко! – радостно воскликнул Ян, поворачиваясь туда, откуда слышался голос.

Из-за раскидистого дуба навстречу ему шагнул невысокий сухой мужичок лет сорока, с длинными густыми усами и в казачьем походном одеянии. Из-за пояса у него торчала рукоять пистолета, а на боку была прицеплена турецкая кривая сабля, добытая в давнишнем деле, о котором казак частенько любил вспоминать. Откуда не возьмись, рядом с Рубенко появились ещё с полдюжины казаков, вооружённых до зубов.

– А що, ций хлопец с тобой? – насмешливо спросил десятник у своего старого товарища, подходя ближе.

– Со мной, со мной, – проговорил Ян, не веря в такую

удачу, – ты уж отпусти его...

– Эй, казачки, не тронь малого, вин с паном пришов! – крикнул Василь, ласково поглядывая на друга.

– Вот уж не ожидал, – произнёс Ян, крепко пожимая руку старому приятелю, – каким ветром вас сюда занесло?

Хитро улыбаясь и весело подшучивая над Стихорецким, Василь рассказал, что их старый полковник атаман Пагоренко прослышал, будто Совет отрядил генерала с войском на усмирение мятежа. Узнав, что войско невелико, всего восемьсот сабель, полковник кинул клич среди ветеранов Счетновского дела и здешних мелкопоместных дворян, призывая их прийти на помощь генералу. Ну а уж если дело дойдёт до штурма вражьего логова, то тут казаки незаменимые люди. Да и погулять вольному люду пришёл час, а то засиделись brave рыцари без дела, совсем омужичились. Ну а чтобы не спугнуть барона и его клику, решили идти лесом, дабы застать врага врасплох.

Ян был очень рад этой встрече, и Яромир тоже несказанно обрадовался, что встретившиеся им вооружённые люди оказались друзьями. Юноша никогда не видел столько ратников сразу. Зрелище нескольких сотен всадников с оружием, в кольчугах, разноцветных кафтанах, с множеством пёстрых флагов и хоругвей потрясло его настолько, что отрок, чьё лицо едва тронул первый мягких пух, стал с жаром проситься в казачью дружину, уверяя, что не побоится никаких лишений и трудов.

– А що, паны, визмём хлопца, дюже до нашего вийска хочет, – предложил Димитрий Рубенко, поглаживая посеребрённый годами и невзгодами чуб.

– Ни, не можем, – произнёс плотный коренастый казак Греценко, – вин шей малой, нехай назад до мамкиного подолу пийдет...

– Возьмите, дядя не пожалеете! – уговаривал Яромир, широко раскрыв свои большие сини глаза.

– Визмём пожалуй, добрый хлопец, – сказал Василь, и тут уже остальные не стали спорить, так как хоть и не высок был чином старший Рубенко, но уж больно рассудителен был.

А про себя казак думал: заварушка невелика вышла, и много бед не стрясётся. Походит малец в казачках, понюхает пороху, да и сам домой уйдёт, уж никто держать не станет, мирное житьё оно хоть и в бортниках всё лучше, чем грязь и кровь войны. А уж как Яромир был рад, так рад, что и не сказать. «Вот матушка тоже обрадуется, – думал он, – сначала поворчит, а потом обрадуется, что сын её в люди выйдет».

И так решили казаки с Яном и малым казачком отправиться в ту самую деревушку, где всё это время жил шляхтич. Уж больно хотелось старым запорожцам погреться у тёплой печи и поглядеть на красавицу Ольгу, о которой Ян уже успел прожужжать все уши Василю и Димитрию. Шли весело, рассказывая о том, какие кого из них постигли приключения.

– А далеко ли шей буде до вашей хаты? – спрашивал по-

дуставший и запыхавшийся Греценко.

– Нет, дядя, близко, – отзывался Яромир.

– Туман что ли? – спросил вдруг Ян, показывая на плотную дымку в глубине леса.

– Ни, не туман, – настороженно произнёс Василь, вглядываясь в мутную глубь леса.

– Дым, це ж дым! – воскликнул кто-то из казаков, принявшись к воздуху.

Сразу же все бросились в гущу деревьев, скрытых плотной пеленой едкого дыма. Ян не верил своим глазам: деревня, в которой ещё только что радовались жизни, собирали травы и мёд, превратилась в груды пепла и головешек. Между домами лежали несколько убитых жителей, кое-где ещё догорали остатки стен. Ужас охватил Стихорецкого. Но Ольга! Что с ней? Прямоком через пепелище бросился он к окраине деревни, где стояла хижина колдуньи. Миновав несколько дворов и пустынный просёлок, Ян вбежал на тот самый двор, где ещё несколько часов назад простился с самой дорогой для него женщиной. Хижину явно пытались поджечь, но ветхая постройка отчего-то не занялась, и только угол её почерневшей кровли тихонько тлел, испуская тонкий столб серого дыма. У самого крыльца навзничь лежала Эделина, всё её лицо было залито запёкшейся кровью. Ян тут же бросился к ней, не зная, что предпринять. Внезапно колдунья открыла глаза, и мутный взгляд её упал на шляхтича.

– Где Ольга? Что с ней? – взволнованно выпалил молодой

человек, не в силах сдержать страшного предчувствия.

– Он увёз её в замок, – слабо пробормотала она, точно сквозь сон.

– Кто? Кто это был? – кричал Ян умоляющим голосом, полным отчаяния, видя, как Эделина уходит в мир иной.

– Лихтенштейн... – прошептала она, и Ян понял, что колдунья больше не жива.

Долго он стоял так на коленях у её тела не в силах понять, как же такое случилось, что без него вся деревня сгорела, а та, кому он был обязан жизнью, мертва, и его возлюбленную захватил враг. Мир перевернулся в голове этого молодого человека. Больше не было у него веры в заступничество высших сил, которые допустили такое. Та война, которую он видел, была благородной, там дрались на полях, честно и храбро. Никакие благородные люди не могли учинить такой расправы, это были разбойники, и каково бы ни было их происхождение, Ян мечтал только отомстить.

Василь тронул его за плечо. Ян обернулся не сразу. Он заметил, что лицо его старого товарища совершенно сделалось худым и маленьким, и морщины глубоко врезались в кожу.

– Пийдем, соколе, нечего нам здесь делать, – произнёс он, опустив глаза.

Они вместе дошли до сгоревших деревенских домов. Казаки стояли хмуро, держась за эфесы сабель, не в силах произнести ни слова. В стороне плакал Яромир, потерявший своих родителей, дом и всё, что ему было дорого.

– Вот тебе и казаком быть, тильки гирки слёзы лить, – мрачно произнёс в полголоса Греценко, украдкой смахнув наворачнувшуюся слезу.

Ян прошёл между товарищей, оглядел их и сказал:

– Теперь у нас одна дорога – на Кастершир. Мы им отомстим. Клянусь, отомстим!

И все они направились по самой короткой дороге к крепости, в которой засели мятежный барон Лихтенштейн и его разбойники.

Связанную Ольгу доставили в крепость, когда уже почти стемнело. Она не видела ни тех, кто её вёл, ни куда она ехала всю дорогу, удерживаемая чьими-то цепкими холодными руками. Глаза ей завязали плотной повязкой, поэтому девушка только могла ощущать холод и мрак того места, где она оказалась. Её привели в большую комнату в одной из башен. Когда человек, который вёл её, вышел, громко хлопнув дверью, Ольга сняла с глаз повязку и обнаружила себя в просторной горнице с парой узких окон, через которые лились огненные лучи заходящего солнца. Стены, пол и потолок были обиты дорогими коврами, искусно расшитые разнообразной тонкой вышивкой. Вдоль стен стояла резная мебель, на золотых и серебряных чеканных блюдах лежали фрукты, а громадный кувшин с золотым орнаментом был полон розового вина. По углам горели свечи, вставленные в массивные кованые подсвечники. Комната показалась девушке очень изыс-

канной и нарядной. Она даже забыла, увидав всё это великолепиие, что только что её похитили, и она в плену. Роскошь умеет пленять своей красотой.

Ольга, как заморожённая ходила по комнате, разглядывая предмет за предметом, дивясь искусной работе золотошвейек, резчиков и ювелиров. Один нарядный кубок с камнями привлёк её внимание, Ольге показалось, что она где-то уже видела эту вещицу. Она взяла кубок в руку, взглянула на узор и выронила драгоценный сосуд, побледнев от ужаса. Именно этот кубок вёз её дядюшка в тот самый день, когда на них напали разбойники и убили всех слуг и самого купца. Со-мнений больше не оставалось: она угодила прямо в руки к кровожадным разбойникам, грабивших всех проезжих купцов, убивавших всякого, кто смел не подчиниться угрозам.

«Но зачем? Зачем меня похитили и доставили сюда? Что они сделают со мной? – думала Ольга, чувствуя, как отчаяние наполняет её душу. – Милый мой Ян, спаси меня! Мне страшно! Только бы с ним ничего не случилось, лишь бы он нашёл меня!»

Мысли несчастной девушки прервал скрип открывшейся двери. В горницу вошли трое мужчин с факелами в руках. Черты их лиц были грубы, все трое походили на бродяг, надевших приличные одежды. Тёмные спутанные бороды и угрюмые лица делали рыцарей похожими на людоедов. Двое из них были в кольчугах, поверх которых они накинули короткие плащи. Третий был высоким худощавым, на нём был

расшитый золотом и серебром чёрный бархатный кафтан, но ногах были мягкие сапожки чёрной кожи с золотыми шпорами, алый пояс стягивал талию мужчины. Бородка, окаймлявшая шею рыцаря, была гладко причёсана, чёрные редкие волосы спадали до плеч неровными прядями. Без сомнения, он был главным среди своих спутников, услужливо освящавших путь своему господину.

Как не было Ольга подавлена своим горем, как ни страшно ей было находиться в логове убийц и грабителей, как не были опасны для неё эти полурыцари – полудикари, Ольга собралась с силами и заговорила первой, громко и гордо, как и следовало по её мнению говорить с бесчестными людьми.

– Кто вы такие, господа, и по какому праву смели меня похитить? Я не крестьянка и ваша раба! Я требую, чтобы меня немедленно отпустили! – произнесла она, отчётливо произнося каждое слово.

– Милели, вас и не думали похищать, – удивлённым голосом произнёс высокий разодетый рыцарь. – Я барон Лихтенштейн, а это мои верные слуги, милорд Дарби (и барон указал на коренастого бородача, опиравшегося на массивный боевой топор, с которым никогда не расставался), а это милорд Кренсил (он указал на другого, худого человека лет тридцати с длинными волнистыми усами и бледно-серыми, полупрозрачными глазами).

– Если вы не похитили меня, благородные сеньоры, то как же называется ваш поступок? – вспыхнув от гнева, произ-

несла Ольга.

– Прошу вас, миледи, не сердитесь на нас, – спокойно и ласково заговорил Лихтенштейн, – мы узнали, что дева хорошей семьи и доброго рода томится в грязной заброшенной деревне среди свиней и коз, поэтому и решили привезти вас в наш замок, где вам будет оказан подобающий почёт. Прошу не судите строго моих людей, они грубы и невежественны, но всей душой будут преданны вам, если вы только останетесь с нами.

– Остаться с вами? – удивлённо воскликнула Ольга, и тут же её удивление переросло в гнев, ведь она не совсем понимала, насколько опасно её положение. – Да я лучше буду жить со свиньями и козами, чем с вами, сеньоры! Вы убийцы и воры! Вы убили моего дядю, моих друзей, сожгли жилища мирных крестьян, и после этого вы смеете рассчитывать на мою благосклонность? Никогда!

Эти слова несколько смутила визитёров, не ожидавших такой безрассудной отваги от хрупкой перепуганной девушки. Милорда Дарби и Кренсил одновременно захотели наградить бойкую девицу несколькими крепкими ударами, и подались вперёд, желая показать пленнице её место, но Лихтенштейн остановил их властным жестом.

– Милорд! – вскричал сэр Дарби, потрясая топором, – Клянусь, она не знает, с кем говорит! За дерзость её следует хорошенько проучить!

– В темницу её, милорд, там она станет посговорчивей и

перестанет клеветать на благородных господ, – добавил сэр Кренсил.

– В вас нет ни капли благородства, – спокойно и презрительно произнесла Ольга.

– В темницу её! – взвыл сэр Дарби, и глаза у него налились кровью.

– Оставьте нас! – произнёс Лихтенштейн, повернувшись лицом к своим спутникам.

Те нехотя подчинились и затворили за собой дверь. И вот Ольга осталась одна с этим высоким и страшным рыцарем с золотыми шпорами. Его холодный колючий взгляд заставлял всякого трепетать от страха перед силой и властью могучего барона. Ольга обмерла от страха, читая на лице своего похитителя алчность и злобу. Она отступила в другой конец покоев, и барон последовал за ней.

– Миледи, – начал он притворно-сладким, – я знаю, вы презираете и меня и моих людей, но вы одна, вам некуда идти. Да, вам тяжело, но я могу облегчить ваши страдания. Скоро я захвачу все земли в округе, я могу стать даже королём, единственное, о чём прошу вас, станьте моей королевой...

– Что? – в изумлении спросила Ольгу, не понимая, отчего этот рыцарь просит именно её руки, ведь она была вовсе не благородного происхождения.

– Никогда! – произнесла она наконец. – Никогда я не стану женой убийцы и разбойника, даже будь он сам король!

– Подумайте, миледи, согласившись на моё предложение, вы станете очень богаты, вы будите первой из женщин во всём мире! – продолжал Лихтенштейн.

– Никогда! Никогда я не притронусь к богатству, которое добыто кровью невинных людей! Знайте, я люблю одного Яна, и только ему буду принадлежать! – говорила девушка, стараясь сохранить свою храбрость, грозившую превратиться в отчаяние.

Страшная маска гнева исказила лицо барона, он схватился за рукоятку кинжала, но тут же остановил себя, затем сделал спокойное лицо и произнёс:

– Любовь, любовь, о, как ты слепа! Видите ли, миледи, это Ян показал нам дорогу в деревню, это он рассказал нам, что вы скрываетесь у колдуньи, что вы смогли избежать стрел моих слуг. Да, миледи, если бы не Ян, вы бы сейчас были в Гродно со своим дядей, но он продал вас за звонкую монету. Знайте, те, кого можно купить ничего не стоят! Он убил мальчишку, который был с ним, и теперь пропивает в таверне всё, что получил за вас. Но поверьте, я не злодей, и чтобы это доказать, я не стану вас мучить сиюминутным выбором. Я дам вам время подумать, решайте сами, с кем вы будите, со мной или с предателем!

С этими словами он развернулся и вышел прочь. У двери щёлкнул затвор, и узница, поражённая рассказом Лихтенштейна в самую душу, осталась одна со своим горем и муками. Мир для неё перевернулся, жизнь в одно мгновение по-

теряла всю свою прелесть, все краски, и осталась лишь боль от обиды, которой на самом деле её никто не наносил. Без сомнения, лож сделала своё гадкое дело, самое страшное оружие пустил в ход Лихтенштейн, и попал прямо в цель. Теперь Ольга проклинала Яна, столь нежно ею любимого и почти была готова отдаться в руки истинного мерзавца.

А между тем в большом зале приспешники обступили своего господина, который прибывал в хорошем настроении, считая, что его партия выиграна.

– Милорд, я вас не понимаю, – обратился сэр Дарби к Лихтенштейну, – зачем вам эта дочь купца? Почему бы вам просто не взять её силой?

– Она не просто дочь купца, – ответил Лихтенштейн, – она дочь очень богатого купца, который оставил ей и её дяде огромное состояние! Его хватит, чтобы вооружить десять армий! Когда она станет моей женой, я получу деньги, а в один прекрасный день, когда мне надоест, моя благоверная исчезнет навсегда!

– Гениальная мысль, ваша светлость! – заговорили сразу все рыцари, окружившие барона. – Да здравствует наш господин во веке веков!

– Кренсил, – шепнул барон своему верному рыцарю, – убей предателя Бенора, который выдал нам девчонку, я не хочу, чтобы чернь молола языками. А этого Яна найдите и повесьте, да и мальчишку тоже.

– Да, милорд, – ответил сэр Кренсил и молча удалился

прочь из залы.

И уже через четверть часа Бенор, точнее его тело было сброшено в сухой ров и завалено нечистотами.

Утром следующего дня Ян Стихорецкий, сирота Яромир из деревни бортников, Василь и Димитрий Рубенко, казаки Петро и Греценко, и ещё несколько человек оказались прямо у стен крепости. Густой туман срывал их от глаз дозорных, вяло прохаживавшихся по стенам. Казаки рассыпались в поисках слабого места крепости, и после недолгих поисков собрались в условленном месте, в ложбине под угловой башней, где никто их не мог увидеть. Никаких способов незаметно попасть внутрь никто не нашёл, лишь казак Петро приметил у западной стены узкий лаз, куда ни один взрослый мужчина протиснуться не мог.

– Я пролезу, дядя Петро, – сказал Яромир, с надеждой поглядывая на окружающих.

– Ишь, що удумав, малец, а як тобі злодеи визьмутъ в полон? Ти ж нас тот час и выдашь! – возразил Греценко, который по натуре был самым осторожным среди всех.

– Ей богу не попадусь! – взмолился юноша.

– Я хоть и не думаю, що це добре, да нехай пийдет хлопец, – высказался Василь Рубенко. – Пажей там немало буде, так вин за слушку сойдёт.

– Ну, будь осторожен, – сказал Ян, нелегко нам будет тебя потерять.

– Да, если сможешь, разузнай об Ольге, жива ли она, – добавил Ян, мысленно опасаясь самого худшего.

Затем Яромира провели к лазу, и он, гибкий и тонкий от природы, как кошка полез по узкой норе, куда другим было протиснуться не под силу. Да и сам юноша чуть не застрял в узком тёмном лазе. Осторожно он высунул голову на свет, и обнаружил себя во внутреннем дворе, заставленном повозками, сараями, кладовыми и прочими хозяйственными постройками. Яромир осторожно прокрался вдоль деревянных стен, рискуя на каждом шагу быть замеченным стражей или слугами. Миновав двор, среди которого возвышались три массивные метательные машины, юноша прошёл на кухню, располагавшуюся в отдельном каменном сооружении, похожем на башню с высокой каменной трубой, из которой поднимался чахлый дымок. На баронской кухне сидели несколько пажей и оруженосцев, хромой повар в грязном кожаном фартуке что-то раскладывал на серебряном блюде. Затем повар обратился к одному из пажей:

– Эй, Седрик, живо отнеси это в главную башню к пленнице, она сейчас в верхних покоях, тебя пропустят. И вино не забудь! Ну, живо ступай!

Пухлощёкий подросток с необычно большой головой нехотя взял блюдо и кувшин с вином и направился к крытой галерее. Яромир осторожно последовал за ним, стараясь, чтобы тот его не заметил. За поворотом галереи юноша нагнал неторопливого пажа, оглушил его ударом рукоятки фа-

кела, затем быстро переоделся в его одежду, связал пажа своим поясом и затолкал его в тёмный простенок. Затем Яромир взял блюдо с едой и кувшин и пошёл по галерее, внимательно вглядываясь в полумрак, грязного прохода. Пройдя несколько лестниц и комнат, он оказался в большом зале. Не зная, куда далее идти, Яромир в нерешительности подался в крайнюю левую дверь и нос к носу столкнулся с рыцарем Кренсиллом.

– Ты куда это собрался, паж? – грозно осведомился рыцарь.

Юный Яромир чуть было не бросился бежать прочь от страха, но быстро собрался и ответил:

– Я несу еду в покои пленницы, сэр.

Рыцарь поморщился и замахнулся на юношу, явно собираясь дать ему затрещину, но передумал.

– Ты, верно, не проспался с утра! Велю повару Дарнату хорошенько наказать тебя за то, что шатаешься без дела! Вон дверь в покои, но не пленницы, а хозяйки! Понял?

– Простите, сэр, – пролепетал Яромир, дрожа от страха, и кинулся к двери, на которую указал рыцарь.

Поднявшись по широкой винтовой лестнице, юноша прошёл по коридору до самого конца, затем поднялся ещё на один этаж, и перед ним возник стражник с алебардой в чёрно-красном сюркоте.

– Ты верно новенький? – спросил стражник, – Что-то я тебя раньше не видел.

– Еда для пленни... для хозяйки, – поправил себя Яромир, стараясь вести себя как можно уверенней.

Страж впустил юношу в богато убранные покои, где находилась Ольга. У Яромира, с детства не выдавшего ничего ценнее икон в сельской церкви, голова пошла кругом от великолепия. В углу на ложе, убранном парчой и шёлком, он увидел Ольгу, бледную и заплаканную. Увидев Яромира живым и невредимым, она сначала бросилась к нему, но потом остановилась в нерешительности, опасаясь, как бы и этот молодой человек не оказался подкупленным Лихтенштейном.

– Не бойтесь, – произнёс Яромир, – я принёс вам хорошие вести от Яна, он здесь, он хочет вас спасти!

– Но разве не он предал меря в руки Лихтенштейна? – недоверчиво спросила Ольга.

– Нет, что вы! – воскликнул удивлённый юноша, – Он предан вам всей душой, он жаждет спасти вас! Верьте, он никогда бы не посмел и мыслить о предательстве. Я здесь, чтобы выяснить, что с вами.

– Значит, Лихтенштейн врал, что это Ян провёл его людей в деревню и убил тебя?

– Именно так! Я был с Яном всё время, он и не мог этого сделать!

– Передай Яну, – сказала Ольга тихим голосом, в котором слышались печаль и сомнения, – что если он любит меня, то пусть докажет это делом.

– Поверьте, он сделает всё, чтобы спасти вас! Но мне нуж-

но уходить, иначе меня могут заподозрить и тогда всё пропало.

С этими словами Яромир покинул покои Ольги, и, уже ни от кого не скрываясь, вышел на двор, а затем и выбрался из крепости тем же путём, каким и попал внутрь. В заветной ложбине его ждал казак Петро. Вместе они добрались до безопасного места, где их ждали остальные. Смышлёный глазастый парень рассказал казакам и Яну всё что видел и слышал в крепости. Он подробно описал весь замок, всё что он разглядел, рассказал, сколько примерно в замке стражи, слуг, а главное сообщил о метательных орудиях, расположенных во дворе в подлой боеготовности. Не умолчал он и о том, что ему сказала Ольга.

– Ну и змея ж ций Лихтенштейн! Ей Богу выю ему скучу! – в сердцах восклицал казак Греценко, не терпевший никакой лжи.

– Потерпи, брат, скоро уси в дело пийдем, – ободрил его Василь Рубенко, – пан полковник и пан генерал скоро придут, вот добра сичь буде!

– Спасибо тебе Яромир, в век не забуду, – сказал Ян, кладя руку на плечо юноши, который был безмерно счастлив и горд тем, что смог отличиться.

И так, узнав всё, что было нужно, казаки стали придумывать способ, как им освободить Ольгу и расквитаться с лжецом бароном. Однако судьбе было угодно распорядиться по-своему.

Когда день пошёл на убыль, заскрипели петли ворот, за-
трещали цепи, опускавшие мост и поднимавшие решётки.
В крепость ворвалась кавалькада из полусотни оборванных
грязных людей, вооружённых длинными ножами, топорами,
пиками, самопалами, луками и другим оружием. Их лица
были уродливы от шрамов, каторжных отметин, болезней
и постоянного пьянства. Это был сброд из дезертиров, раз-
бойников, беглых преступников и просто любителей лёгкой
наживы, беззастенчиво грабивших и побуждавших к бунту
округу. Этих людей прислал Сайкс, чтобы барон Лихтен-
штейн удостоверился в его поддержке.

Главарь этой новой шайки по имени Гарол направился к
хозяину крепости и долго говорил с ним, доказывая, что его
господин всячески поддерживает барона и хочет, чтобы тот
ни в коем случае не сдавал свой замок, всячески противился
воцарению власти Совета и держал земли в страхе и покор-
ности. В обмен на силовую поддержку Сайкс требовал нема-
лую сему в золоте и серебре. Лихтенштейн принял предло-
жение Гарола, надеясь в будущем перехитрить Сайкса, ведь
и сам прекрасно понимал, что этот мятежник будет исполь-
зовать его в своих личных интересах.

Только деньги гарантировали независимость от Норман-
на Сайкса, только деньги могли сделать убийцу королём. И
чтобы стать обладателем этих денег, да ещё и красивой де-
вицы, Лихтенштейн направился в роскошные покои главной

башни.

Каково же было его удивление, когда красавица, уже казалось полностью сломленная, гордо отвергла щедрые предложения барона. Человек хитрый и очень неглупый, Лихтенштейн сразу понял, что кто-то открыл девушке правду, иначе она не стала бы так прямиться. И не дав приступу гнева взять над собой верх, хитрый барон принялся вновь очернять имя Яна, старательно поддерживая зёрна сомнения, заложенные им.

– Поверьте, – говорил он учтивым ласковым тоном, – Ян настолько любит себя, что ради наживы может пойти на любую подлость, уж поверьте мне, как его старому товарищу по боевым походам, мы ведь вместе воевали, буквально бок обок! Ему не нужны вы, а только ваши деньги и деньги вашего покойного дяди. И кто бы к вам не пришёл якобы от Яна, зайти этот человек подкуплен. Верьте, я один желаю вам счастья и сделаю всё, чтобы вы стали ко мне добрее...

– Вы лжёте! – перебила его Ольга, стараясь скрыть волнение в голосе. – Я хорошо знаю его, он не мог так поступить со мной!

– Но, порой мы не узнаём человека достаточно хорошо, даже прожив с ним вместе под одной крышей ни один год. Прошу, станьте моей, и все ваши тревоги и печали уйдут! – настаивал Лихтенштейн.

– Я уже сказала, что не буду вашей, какими бы добродетелями вы не покрыли своё имя. Оставьте меня, а лучше от-

пустите, потому что когда придёт Ян, он убьёт вас как преступника! – гордо воскликнула Ольга.

– Я сам убью этого негодяя, а тело повешу под вашими окнами! – вскричал, не выдержав, барон Лихтенштейн и сделал несколько угрожающих шагов навстречу перепуганной Ольге.

Но в это время раздался тревожный звук боевого рога. В комнату вошёл оруженосец барона и громко произнёс:

– Милорд, часовые заметили всадников, они собираются напасть на замок!

Лихтенштейн побледнел, затем, бросив яростный взгляд на Ольгу, резко повернулся, оттолкнул оруженосца и быстро пошёл к двери. Прежде чем уйти, он прошипел:

– Подумайте хорошенько, миледи, либо вы станете моей женой, либо вообще не покинете замка!

И он вышел, а через минуту по всей крепости раздался приказ запереть ворота, поднять мосты и готовиться к осаде.

Вечером того же дня передовые части скромной армии Алехандро Альвареса окружили Кастерширскую крепость. Конные отряды в шесть – десять человек объезжали стены, держась на почтительном расстоянии от них, так как за каждым зубцом прятался лучник, готовый выпустить в неприятеля стрелу. Сразу стало ясно, что штурмовать придётся с западной стороны, так как болото, река и крутой склон холма на севере были не по зубам многим даже очень отваж-

ным воинам. Да и людей для штурма было пока не много. Но ещё через пару часов под стенами крепости появились казаки в числе нескольких сотен. Они братались с людьми Альвареса, делились с ними последними местными новостями, осматривали местность и не обращали никакого внимания на яростную стрельбу из самопалов и арбалетов, которой время от времени раздражались крепостные стены.

К наступлению темноты прибыл сам генерал Альварес в сопровождении офицерской свиты, а за ним к заранее оборудованному месту для лагеря прикатили пушки на повозках, окованных железом. Генерал въезжал в толпу собравшихся казаков, дворян, рыцарей и вооружённых крестьян, пришедших поддержать войска Совета, окружённый множеством факелов, под гулкое ликование толпы, которой ему предстояло отныне командовать. Атаман Пагоренко вручил генералу булаву – знак абсолютной власти над жизнями казаков из его войска. На самом высоком месте поставили большой шатёр из грубого полотна, внутри постелили ковёр, поставили столы и стулья. Генерал вместе с офицерами расположился в шатре и устроил совет, на котором принималось решение о штурме.

В самый разгар спора о том, стоит ли ждать подкрепления, или начать штурм, в шатёр вошёл солдат и объявил, что с генералом срочно хотят переговорить трое: казачий десятник, шляхтич и мальчик из деревни бортников.

– Ну,пусти их, – сказал генерал, – нынче негоже от лю-

бой помощи отказываться.

Это были как раз Ян Стихорецкий, Яромир и Василь Рубенко. К удивлению офицеров, они подробно описали крепость, рассказали, что всего в её стенах находится не более трёх с половиной сотен вооружённых людей, что на дворе прямо напротив места планируемого главного удара стоят метательные машины, готовые к бою, и ещё много важных деталей, которые могли облегчить штурм.

– Да это кто ж у вас такой храбрый, что сам в пекло полез? – поинтересовался генерал.

– Вот он, ваше превосходительство, Яромир Бортников, – громко произнёс Ян Стихорецкий имя героя.

– Ну, за такую службу медаль положена! – воскликнул генерал Альварес. – Далеко парень пойдёт, вот уж помяните моё слово, эх, далеко!

– Ваше превосходительство, – обратился к генералу Полковник Шатилов, – уверен, что Лихтенштейн уже отправил людей за помощью к Сайксу, а если ещё нет, то непременно это сделает. Предлагаю начать обстрел крепости со стороны главного удара между воротами и северо-западной башней, а так же для отвлечения сил противника обстрелять стену у юго-западной сторожевой башни. Кроме того, так как нас всего чуть более шести сотен, попрошу приказать разжечь как можно больше костров, чтобы Лихтенштейн решил, будто нас очень много, и предпочёл сдаться без боя.

– Мудрое решение, – подтвердил дон Альварес, – так мы

и поступим.

– Господин атаман, – обратился он к седоусому плотному казаку с солидным сероватым чубом, – смогут ваши хлопцы развести каждый по два или три костра?

– Да хоть пять, пане! – весело ответил Пагоренко. – Прикажете зажигать?

– Добро, – ласково отозвался генерал, и атаман мигом вышел из шатра и зашагал по вытоптанной поляне, отдавая приказания своим казакам. Ещё через несколько минут шатёр покинул полковник Шатилов, которому было приказано начать артиллеристскую подготовку к штурму, по возможности нанеся наибольший урон противнику. Затем из шатра вышел капитан Монтесерро, которому было приказано усилить патрулирование окрестных лесов, чтобы ни один лазутчик не проскользнул из крепости. Конечно капитан возражал, что вряд ли кто-то осмелится покинуть крепость, когда все пути перекрыты, но генерал настоял на своём, ведь рисковать было нельзя.

Полковник Шатилов несколько раз предложил осаждённым сдаться, на что последовал категорический отказ. После двух залпов тяжёлых пушек, от которых задрожала земля и каменные стены, полковник повторил ультиматум: либо Лихтенштейн освободит пленных, сложит оружие и сдастся, либо крепость разнесут в пыль вместе со всеми преступниками и мятежниками, засевшими внутри.

Лихтенштейн стоял вместе с милордами Дарби и Кренси-

лом на стене центральной башни и с ужасом вглядывался в море огней, простиравшихся во всю ширь Кастерширского поля, от края до края. Он считал и не мог сосчитать, сколько огней зажгли его противники, как много их и сколько у них орудий. Он и подумать не мог, что Великий Совет отрядит против него огромное войско. Пушечные залпы, от которых обвалилось часть стен, унеся с собой жизни нескольких верных лучников, заставили его серьёзно задуматься о капитуляции. Лишь только хромоногий кривой предводитель отряда Сайкса удержал от этого поступка. Гарол настоял, чтобы Лихтенштейн продолжал удерживать замок как можно дольше, что бы ни происходило.

– Поверьте, милорд, – увещевал он, – мой господин вот-вот прибудет сюда со своей армией и разгонит этих дураков, посмевших встать на нашем пути! Когда мы уходили из Чаврогов, за нами следовал лишь небольшой отряд в несколько сотен человек, так что этому сборищу костров просто неоткуда взяться.

– Почему же Сайкс не поторопится? – гневно воскликнул барон, хватая Гарола за ворот плаща.

– Думаю, он ждёт платы, милорд, немалой платы! – хитро отвечал Гарол, выскальзывая из рук барона.

– Значит, он получит её! – воскликнул Лихтенштейн, гневно отталкивая верных рыцарей и направляясь в свою сокровищницу.

В этот момент снова раздался залп тяжёлых пушек, оглу-

шивший всё живое вокруг, вслед за которым громко крикнула и обвалилась ещё одна часть стены, не выдержав удара тяжёлых ядер. Послышались стоны и крики людей, попавших под завал. Дарби и Кренсил испуганно переглянулись. Никому из них не хотелось погибнуть этой страшной ночью, но бежать они не могли.

– Я видел сегодня дух белой леди, – мрачно произнёс сэр Дарби, поглаживая лезвие своего топора. – Это плохой знак! Говорят, что это вдова первого хозяина крепости. Всякий раз, когда это исчадьё ада появляется на крепостной стене, это грозит бедой для всех, кто живёт в крепости.

– Да, я тоже видел её, – смущённо произнёс сэр Кренсил, при этом побледнев как полотно.

– Довольно вздора, благородные сеньоры! – грубо прервал их разговор хромоногий Гарол. – Уж если кому и грозит беда, так это жалким трусам за стеной!

Конечно, эти слова не внушали мужества в сердца рыцарей, не привыкших оборонять замков. Да и аргументы против слов предводителя мятежников были весьма внушительны.

Около полуночи на восточной стене замка появилась группа людей. Больше всех выделялся высокий рыцарь в доспехах из воронёной стали, покрытых золотым узором, в руках он держал увесистый цеп, оруженосец держал его щит с изображением алого ворона на чёрном поле. Этим рыцарем был сам Лихтенштейн. Рядом стояли два человека Норман-

на Сайкса: хромоногий Гарол с блестящим глазом и один из его помощников. Ещё несколько лучников и солдат стражи стояли вдоль стены, обвязывая верёвками увесистый сундук.

– Тирк, – обратился Гарол к своему помощнику, – доставь это золото нашему доброму господину Сайксу, и скажи, что мы ждём его здесь ещё с тремя такими сундуками!

– Не слишком ли ты вольно распоряжаешься моими деньгами? – сердито возразил барон, свирепо вглядываясь в темноту.

– Только такое вознаграждение приведёт сюда нашего доблестного владыку! – продолжал Гарол, осматривая своим единственным глазом сундук и Тирка, чьё и без того безобразное лицо с крючковатым кривым носом было сплошь изрезано следами оспы.

– Теперь в путь, – проговорил он.

Два лучника и сержант стражи бесшумно скользнули со стены вниз по верёвкам, за ними следом спустился Тирк. Когда они оказались на земле, люди Лихтенштейна спустили к ним на руки увесистый сундук, доверху набитый золотом. И вот в тишине все четверо с тяжёлой поклажей двинулись вдоль Глочерской трясины, увязая по колено в грязи, преодолевая усталость и справедливый страх. Совсем рядом ревели медные орудия, выплёвывавшие со снопом искр из своих жерл чугунную смерть. Ядра крошили камни со страшным звуком, от которого всё холодело внутри. Там и тут снова-таки конные патрули, которые можно было заметить по блеску

трепещущих огней факелов. Короткими перебежками четвёрка мятежников прошла по краю непроходимых болот почти под носом у казаков и драгун, заступивших в караул. Но, столь удачно миновав самый опасный участок пути, Тирк совершил роковую для себя ошибку. Найдя широкую расселину между камнями в овраге под сенью вековых дубов, мятежники опустили в неё сундук с золотом. Расчёт был прост: либо все забудут о золоте в суматохе, либо Сайкс вовсе не станет выручать крепость, и после её падения все четверо спасшихся хорошенько разбогатеют. И так, оставив клад на попечение судьбы, Тирк, сержант стражи и лучники поспешили к лагерю Сайкса. В лесу они напали на патруль и отбили четырёх лошадей, на которых быстро скрылись в ночи, но долго ещё слышали они за спиной угрожающие раскаты пушечных выстрелов.

Когда же все четверо прибыли в лагерь Сайкса на утро следующего дня, то оказалось, что вожак мятежников не собирался никому помогать. Быть может он и подумал, что сможет заполучить золото Лихтенштейна, но слух о том, что из Сварды вышло новое воинство в семнадцать тысяч человек, состоявшее из отборных частей, отбил у него охоту выступать к сомнительной крепости и тратить силы в борьбе с хорошо подготовленными людьми Альвареса. Что касается гонцов Лихтенштейна, то Сайкс велел их убить, ибо они были совершенно бесполезны. А если когда-либо и вспомнил кто-то об их существовании, то легко было представить всё

так, будто четыре труса сбежали или сгнули где-то в лесной чаще. Быть может золото и спасло бы жизни четверым мошенникам, но вот только было оно слишком далеко. Даже обмолвиться словом о кладе они не успели, и были убиты быстрыми руками своих же братьев по оружию.

Когда на горизонте показалась смутная синеватая полоска рассвета и звёзды сделались бледней, обстрел Кастерширской крепости прекратился. Ядра превратили каменные старинные стеры в груды щебня, погребшего под собой два десятка лучников, что прежде служили ордену Чёрного Креста. Алые знаки на облачении воинов, обагрённые кровью, зловеще выделялись на фоне серых каменных глыб. Часть укреплений обвалилась, оголив разгромленный двор и главную башню. Измученные люди Лихтенштейна спешно разбирали амбары и хозяйственные постройки. Из брёвен и досок поспешно возводились новые оборонительные сооружения поверх осыпавшихся стен. Мерный стук молотков и скрежет пил наполнил воздух. Однако вскоре прекратился и он. Над Кастерширом повисла гробовая тишина, предвещавшая страшную человеческую бурю.

Над рекой поднялась густая дымка, окутавшая крепость и подступы к ней. Из-за холмов медленно и величаво восходило солнце, как главный зритель страшного спектакля, за который будет заплачено человеческими жизнями. Солнце осветило деревья, покрытые пылью, и те почтительно замер-

ли бронзовыми изваяниями. Пелена у самых стен зазолотилась, стала розовой, а потом кроваво-красной. И вдруг дымка растаяла, и тут только защитники крепости увидели, что под самые стены уже подошли сотни людей, готовых начать штурм.

Время было упущено. Альварес подошёл вплотную, и преимущества у защитников крепости уже не было. Они не могли эффективно использовать свои метательные машины, не могли обрушить на строй врага сосуды с горящим маслом, генерал Великого Совета обошёл их. Особенно неистовствовал сэр Дарби: он метался по двору, размахивая своим огромным топором, подгонял людей, проклиная всё на свете и особенно утренний туман, погубивший его. Сэр Кренсил командовал лучниками и стражей в массивной надвратной башне. Он был спокоен, словно никакой опасности не было, и только приказал приготовить котлы с кипящим маслом и принести на стены побольше камней. Сам Лихтенштейн наблюдал за всем происходящим из окна главной башни, периодически бросая гневные взгляды на оруженосца и хромого Гарола, стоявших у него за спиной.

– Надо сдаваться! – яростно прохрипел барон, наблюдая за продвижением людей генерала вне зоны досягаемости его орудий.

– Надо продержаться ещё несколько часов, – упрямо повторял Гарол, – вот увидите, Сайкс не оставит нас!

– К чёрту вашего Сайкса! – выкрикнул Лихтенштейн.

Затем, оттолкнув оруженосца и Гарола, ринулся к другому окну и закричал что было сил:

– На стены! Все на стены! Стоять насмерть!

Испуганные обессилившие люди с луками и копьями карабкались на каменные укрепления, стараясь занять самое безопасное место. Ещё день назад они не подозревали, что им придётся оборонять крепость. Многие из них смело грабили купцов, отчаянно отнимали хлеб у крестьян и отважно поджигали хижины бедняков. Но теперь, когда смерть взглянула им в глаза, все эти люди перепугались, точно зайцы и молили Господа о прощении. Через узкие отверстия бойниц каждый видел стену шиитов, оцетинившуюся пиками, которая двигалась прямо на них. Не успел Кренсил командовать стрелять по наступавшим, как из-за щитов врага полетела целая туча стрел, пущенных из длинных луков и арбалетов. Прямо за дюжими богатырями русской дружины шли стрелки разных воинств, собранных для усмирения мятежников. Следом казаки открыли огонь из самопалов, галереи тотчас заполнил стон раненных. Убитые падали один за одним, многие даже не успевали выпустить стрелу во врага. Под боевые кличи, вой труб и волюнок, грохот литавр и ржанье коней солдаты Альвареса бросились в атаку на замок. Защитники осыпали камнями напиравших дружинников, рыцарей и казаков, стрелы и копья дождём лились на них, пронзая тела идущих на штурм. К стенам были приставлены крепкие лестницы, и смельчаки с обнажёнными меча-

ми карабкались на стены.

Вдруг со свистом из-за стен вылетели несколько массивных валунов и рухнули в толпу, убив несколько человек. Это сэр Дарби, выбросив лично камни из противовеса катапульт, приказал нанести удар по подходившим резервам во главе с полковником Шатиловым. А под стенами тем временем сгущались несколько сотен людей, особенно плотно обступивших лестницы. Неожиданно чёрным дымящимся ливнем хлынула со стен смола, пущенная по приказу сэра Кренсила. Толпа отхлынула от стен, оставляя в луже дымящейся жижи тела обожжённых воинов, катавшихся по земле и корчившихся от боли. Смелчаки падали с высоких лестниц, ломая хребты о камни. Лестницы защитники замка отталкивали от стен, и те падали, придавливая своей тяжестью людей.

Но под напором свежих сил, не давших первой линии отступить, русичи, варяги, рыцари и казаки вновь подошли под самые стены, вновь приставили лестницы к укреплениям крепости, и вновь смелчаки полезли штурмовать Кастершир. К самым воротам подкатили таран и ударили по ним. Стрелки перезарядили арбалеты и самопалы и дали залп, а потом ещё один и ещё. Под их прикрытием русская дружина овладела частью стены. Поднимались новые и новые воины и вступали в бой. Одним из первых на стене оказался Ян Стихорецкий. Забравшись по дрожавшей лестнице, он спрыгнул на пол в галерее и тотчас схватился с двумя бросившимися на него стражниками. А рядом уже дрались братья Рубен-

ко, грузный сэра Ротенберг нашёл в себе силы вскарабкаться по лестнице и всю размахивал двуручным мечом, наводя ужас на людей Лихтенштейна, капитан Монтесерро разил саблей врага направо и налево. Через несколько минут уже на всех галереях закипела ожесточённая рукопашная схватка.

По двору в панике бегали оруженосцы, конюхи и повара, кто с оружием, кто без. Ворота трещали, грозя обвалиться в любую минуту. Сэр Дарби неистовствовал во внутреннем дворе, угрожая убить всех, кто струсит, но его уже никто не слушал. Несколько солдат противника бросились на него, но сразу же двое из них упали зарубленными топором Дарби. Несколько стражников и рыцарей выбежали из главной башни и оттеснили прорвавшихся русичей и казаков. Греценко с саблей в руке прокладывал себе путь к чёрному рыцарю с топором, но выстрел в спину коварного мятежника оборвал жизнь могучего казака. Петро, как не был искусен во владении клинком, был поднят на копья стражниками Лихтенштейна. Капитан Монтесерро схватился на галерее с сэром Кренсиллом, однако рыцарь легко одержал над ним победу. Но не отступили люди генерала Альвареса, и всё больше их лезло на стены, уже не боясь стрел мятежников.

Сэр Дарби, обезумев, убил двоих слуг, старавшихся найти убежище в главной башне. Поняв, что никто уже не стремится защитить крепость, а лишь спасти свою жизнь, он стал с остервенением выбрасывать камни из корзины с противове-

сом у одной из метательных машин. Затем он схватил огромный камень, положил его на ложку, натянул верёвки и запустил камень в небо, со словами проклятья в адрес Альвареса и всех его людей. Но камень не долетел до цели. Огромная гранитная плита пробила стену надвратной башни и сокрушила опоры в помещении, из которого лучники вели обстрел атакующих. С грохотом рухнули перекрытия, погребя живо лучников, стражу и нескольких рыцарей. Масло, уготовленное для шедших на таран, разлилось и сожгло кожу тех, кто попал под обломки стен. Сэр Дарби в исступлении сел на перекладину катапульты, он не мог поверить, что настал конец крепости, его конец.

Так он и сидел, не в силах стронуться с места, наблюдая, как горят башни и галереи, как всё рушится и гибнет. Он был непобедим всегда, и не было для него ничего более невозможного, чем поражение. Прямо перед ним с треском пробили ворота, массивный таран, обитый шкурами, пропитанными водой, с криками вкатили на двор дюжина богатырей, прикрываясь им от стрел, как громадным щитом. Вслед за ними с диким свистом ворвалась конница, всадники разили встречных врагов, не щадя никого из людей Лихтенштейна. Внезапно Дарби пришёл в себя, с ненавистью поглядел на метавшихся по двору всадников и перепуганных пажей, поднял свой топор, но тут же и упал, рассечённый мечом русского князя Борислава.

На главной галерее схватились полковник Шатилов и ры-

царь Кренсил. С ожесточением наносились удары, точно два коршуна столкнулись в небе над добычей. Клинки мелькали в воздухе, и слышался звон стали, гулкими эхом повторяемый стенами галереи. И вот они оба кинулись друг на друга, оба нанесли свой последний удар, и стон пронёсся по галерее. Проткнутое насквозь тело сэра Кренсила сползло на каменные плиты пола, обогрётное кровью. Полковник Шатилов стоял неподвижно, глядя на поверженного врага. Меч рыцаря скользнул по его груди, вспоров чёрный мундир и повредив мышцы. Но он не чувствовал боли, её заглушала радость победы.

Постепенно все внешние стены и башни были заняты людьми Альвареса. Во внутреннем дворе солдаты перевязывали раны самодельными бинтами, представлявшими собой разорванные на ленты праздничные рубахи. Лишь в главной башне несколько мятежников всё ещё оказывали ожесточённое сопротивление. Ян Стихорецкий повсюду искал покои, в которых была заперта Ольга. Неожиданно он услышал её крик и бросился вверх по винтовой лестнице вверх на открытую площадку главной башни. Яркие солнечные лучи на минуту ослепили его.

– Ян! – услышал он голос любимой, донёсшийся справа от него.

Повернув голову, Стихорецкий увидел Ольгу, её горло сжимала рука высокого рыцаря в чёрных доспехах.

– Отпусти её, Лихтенштейн! – крикнул Ян, подходя бли-

же.

– Нет, она моя, ты не получишь её, даже если ты и сжёг мой замок! Никогда! – ответил Лихтенштейн, отступая к зубчатой стене.

Оруженосец барона кинулся на Яна с пикой наперевес, но шляхтич успел уклониться от удара и в ответ ранил оруженосца, полоснув его саблей по спине. В этот момент Лихтенштейн хотел бежать с пленницей через маленькую угловую башню, но ему навстречу высыпали казаки во главе с десятником Рубенко. Отступать было некуда, и барон, прикрываясь заложницей, попятился в угол, скалясь как загнанный волк.

– Стойте! – крикнул Ян, жестом останавливая казаков. – Он мой!

– Сделай шаг, и она умрёт! – пригрозил Лихтенштейн.

– Ты рыцарь, вспомни это! Отпусти её, и сразимся честно, как дворянин с дворянином! – проговорил Ян, мысленно моля Бога о том, чтобы он защитил Ольгу.

– Какой мне смысл слушать тебя, когда так или иначе меня убьют? – спросил Лихтенштейн, сдавливая горло Ольги.

– Я даю слово, что если ты победишь в честном бою, то мои друзья не станут чинить тебе преград! Так, Василь? – и Ян с надеждой посмотрел на своего старого товарища.

– Так, – помрачнев, произнёс казак, и все его товарищи тоже согласились с этим.

– Отпусти её и сражайся! – потребовал Стихорецкий.

Лихтенштейн разжал руку, и Ольга выскользнула из объятий смерти, спрятавшись за спинами казаков. Лишившись живого щита, барон сдвинул забрало, вытащил из-за пояса цеп и угрожающе пошёл навстречу Яну. Против закованного в броню рыцаря с таким грозным оружием Ян, на котором не было никакой защиты, со своей саблей был бессилён. Уклонившись от двух смертоносных ударов, он начал отступать вглубь башни. Рыцарь следовал за ним, загоня шляхтича на самый верх дозорного укрепления, возвышавшегося над всей башней. На самом верху Ян понял, что пришёл его час. Лихтенштейн снова нанёс удар, от которого Стихорецкий уклонился, и тут же нанёс удар саблей по панцирю Лихтенштейна, но боевой доспех пробить ему было не под силу. Замирая от ужаса, Ян нанёс повторный удар, но на этот раз цеп барона обвилась вокруг его сабли, и Лихтенштейн выбил оружие из рук шляхтича, оттолкнув его со всей силой, стараясь сбросить с башни. Ян оступись и упал на самый край стены. Краем глаза заметил он несущуюся на него усеянную шипами голову цепа. Он чудом увернулся, пропустив смертельный удар справа, и тут же цеп просвистел слева, совсем рядом с его головой.

– Прощай, – сказал злорадно Лихтенштейн, – прощай навсегда!

Но тут старый камень поехал у него из-под ног. От неожиданности рыцарь оступись, покачнулся в тяжёлых доспехах и с криком полетел вниз головой с высокой башни и рухнул

у подножия собственного замка, разбившись и камни двора. Ян осторожно повернулся и увидел прямо под собой чёрное пятно, которое когда-то было тщеславным и жестоким бароном.

Когда он спустился на открытую площадку главной башни, и Ольга кинулась ему навстречу, обняла и жарко поцеловала, из глаз у шляхтича полились слёзы радости, так долго он ждал этой встречи, так тяжела была для него разлука с любимой. И из глаз у Ольги тоже лились слёзы радости, и смешивались они со слезами любимого Яна. И от их радости растаяли сердца у воинственных казаков и рыцарей, видевших их счастье.

Потом они все вместе спустились во двор, где солдаты уже убирали тела, собирали оружие и помогали раненым. Пленных собрали вместе и заперли в уцелевшем амбаре под охраной казаков. Навстречу Яну и Ольге на коне выехал сам генерал Алехандро Альварес.

– Поздравляю, пан Стихорецкий! – произнёс он с улыбкой, – более полутора сотен моих людей нашли здесь свою смерть, и только вы своё счастье!

Затем, взглянув на Ольгу, добавил:

– Да, вы нашли самое прекрасное сокровище Лихтенштейна!

Девушка при этих словах смутилась и потупила взор. Она даже думала, что именно ради неё и был этот кровавый штурм, ради неё и погибли все эти храбрые люди. Увы, по-

литике и корысти нет дела до любви.

В общем ликования никто не заметил хромоногого Гарола, притаившегося с самопалом за разбитым зубцом башни. Он видел Альвареса, а он его нет. Он был совсем близко. Ещё секунда, и он отомстит и расквитается с ним и за своё бегство из Чаврогов, и за падение Кастершира, и за гибель его людей и за Счетновскую битву и за всё, что сделал этот генерал. Гарол прицелился и в тот момент, когда грянул роковой выстрел, кто-то крикнул «Нет», и что-то упало замертво на камни двора. Когда рассеялся дым, злодей увидел, что генерал по-прежнему сидит в седле, а у ног его коня лежит бледный юноша, раненный в предплечье. В этот же момент Василь Рубенко выхватил свой самопал и убил Гарола наповал.

Раненого Яромира перевязали и отправили с казаками в Щитовецкий лазарет. Армия Альвареса и силы под управлением полковника Уэрто объединились в крепости в тот же день. Однако Норманн Сайкс всё же отправил небольшой отряд в Кастершир в надежде присвоить золото Лихтенштейна. Но его люди попали в засаду и были полностью уничтожены солдатами полковника Шатилова. После этого передовые отряды двинулись дальше освобождать из-под ига мятежников королевские земли. Сайкс, растеряв своих сторонников, бежал с горсткой людей на север, а оттуда уплыл на далёкие пиратские острова, где и прибывал, вынашивая планы мести. Ян не присоединился к людям Альвареса. Они с Ольгой после своего счастливого спасения поселились в ро-

довом поместье Стихорецких, где в маленькой деревенской церкви их обвенчал Жан из Йорна, который тоже был при штурме Кастершира. Конечно он не участвовал в сражении, но вспоминал с гордостью, что был там, уверяя, что не зря отправился с доном Альваресом, и его молитвами крепость супостата пала. Золото же так и осталось лежать в расселине между камнями в тени могучих дубов.

Через несколько дней после штурма в Сварде Великий Совет избрал новым королём племянника последнего короля Гарольда доброго юношу Эдуарда. И когда Эдуард Первый взошёл на престол, закончилась эпоха смут, начиналась новая эра, эра процветания и покоя.

В Кастершире больше никто не жил. Слишком много зла совершилось в этой крепости. От прежних хозяев замка осталось лишь множество легенд, две из них, о призраке чёрного рыцаря и спрятанном в окрестностях кладе, особенно любят вспоминать местные жители. Они часто рассказывают, что когда ранним утром первые солнечные лучи встают над горизонтом и делают, и дымка тумана становится розовой, а деревья замирают, словно покрывшись бронзой, то в тишине можно расслышать призывные звуки боевого рога.